

1001

П-19

РАЗЗ682.

БОРИС ПАСТЕРНАК

**ЗЕМНОЙ
ПРОСТОР**

с т и х и

СЛ

**Коллекция
прижизненных изданий**

Борис Пастернак

ЗЕМНОЙ ПРОСТОР

С Т И Х И

Советский писатель

Москва

1945

Худ. И. Николаевцев.

На ранних поездах

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

У нас весною до зари
Костры на огороде,—
Языческие алтари
На пире плодородья.

Перегорает целина
И парит спозаранку,
И вся земля раскалена
Как жаркая лежанка.

Я за работой земляной
С себя рубашку скину,
И в спину мне ударит зной
И обожжет, как глину.

Я стану, где сильней приток,
И там, глаза зажмуря,
Покроюсь с головы до ног
Горшечною глазурью.

А ночь войдет в мой мезонин
И, высунувшись в сени,
Меня наполнит, как кувшин.
Водою и сиренью.

Она отмоев верхний слой
С похолодевших стенок
И даст какой-нибудь одной
Из здешних уроженок.

СОСНЫ

В траве, меж диких бальзаминов,
Ромашек и лесных купав,
Лежим мы, руки запрокинув
И к небу головы задрав.

Трава на просеке сосновой
Непроходима и густа,
Мы переглянемся и снова
Меняем позы и места.

И вот, бессмертные на время,
Мы к лику сосен причтены
И от болезней, эпидемий
И смерти освобождены.

С намеренным однообразием,
Как мазь, пустая синева
Ложится зайчиками наземь
И пачкает нам рукава.

Мы делим отдых красноеся,
Под копошенье мураша
Сосновой шотворной смесью
Лимона с ладаном дыша.

И так неистовы на синем
Разбеги огненных стволов,

И мы так долго жук не вынем
Из-под заломленных голов,

И столько широты во взоре,
И так покорно все извне,
Что где-то за стволами моря
Мерещится все время мне.

Там волны выше этих веток
И, сваливаясь с валуна,
Обрушивают град креветок
Со взбаламученного дна.

А вечерами за буксиром
На пробках тянется заря
И отливает рыбьим жиром
И мглистой дымкой янтаря.

Смеркается, и постепенно
Луна хоронит все следы
Под белой магиею пены
И черной магией воды.

А волны все шумней и выше,
И публика на поплавке
Толпится у столба с афишей,
Неразличимой вдалеке.

ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА

Корыта и ушаты,
Нескладица с утра,
Дождливые закаты,
Сырые вечера,

Проглоченные слезы
Во вздохах темноты,
И зовы паровоза
С шестнадцатой версты,

И ранние потемки
В саду и на дворе,
И мелкие шоломки,
И все как в сентябре.

А днем простор осенний
Пронизывает вой
Тоскою голошенья
С погоста за рекой.

Когда рыданье вдовье
Относит за бутор,
Я с нею всею кровью
И вижу смерть в упор.

Я вижу из передней
В окно, как всякий год,

Своей поры последней
Отсроченный приход.

Пути себе расчистив,
На жизнь мою с холма
Сквозь желтый ужас листьев
Уставилась зима.

ИНЕЙ

Глухая пора листопада,
Последних гусей косяки.
Расстраиваться не надо:
У страха глаза велики.

Пусть ветер, рябину занявший,
Пугает ее перед сном.
Порядок творенья обманчив,
Как сказка с хорошим концом.

Ты завтра очнешься от спячки
И, выйдя на зимнюю гладь,
Опять за углом водокачки
Как вкопанный будешь стоять.

Опять эти белые мухи,
И крыши, и святочный дед.
И трубы, и лес лопухий
Шутом маскарадным одет.

Все облещенело с размаху
В папахе до самых бровей
И крадущейся россомахой
Подсматривает с ветвей.

Ты дальше идешь с недоверьем
Тропинка ныряет в овраг.

Здесь иная сводчатый терем,
Решетчатый тес на дверях.

За снежной густой занавеской
Какой-то сторожки стена,
Дорога, и край перелеска,
И новая чаща видна.

Торжественное затишье,
Оправленное в резьбу,
Похоже на четверостишье
О спящей царевне в гробу.

И белому мертвому царству,
Бросавшему мысленно в дрожь,
Я тихо шепчу: «Благодарствуй,
Ты больше, чем просят, даешь».

ГОРОД

Зима на кухне, пенья Петьки,
Метели, вымерзшая клеть
Нам могут хуже горькой редьки
В конце концов осточертеть.

Из чащи к дому нет прохода,
Крутом супробы, смерть и сон,
И кажется, не время года,
А гибель и конец времен.

Со скользких лестниц лед не сколот,
Колодец кольцами свело.
Каким магнитом в этот холод
Нас тянет в город и тепло!

Меж тем как, не преувелича,
Зимой в деревне нет житья,
Исполнен город безразличья
К несовершенствам бытия.

Он создал тысячи диковин
И может не бояться стуж,
Он сам, как призраки, духовен
Всей тьмой перебивавших душ.

Во всяком случае. поленьям
На станционном тупике

Он кажется таким виденьем
В ночном горящем далеке.

Я тоже чтит его подростком.
Его надменность льстила мне.
Он жизнь веков считал наброском,
Лежавшим до него вчерне.

Он звезд мерцанье собезьянил
Вечерней выставкою благ
И даже место неба занял
В моих ребяческих мечтах.

НА РОЖДЕСТВЕ

Только заслышу польку вдали.
Кажется, вижу в замочную скважину:
Лампы задули, сдвинули стулья,
Пчелками кверху порх фитили,—
Масок и ряженных движется улей.
Это за щелкой елку зажгли.

Великолепие вышло сил
Туши и сепия и белил,
Синих, пунцовых и золотых
Львов и танцоров, львиц и франтих.
Ремье блузок, пенье дверей,
Рев карапузов, смех матерей,
Финики, книги, игры, нуга,
Иглы, ковриги, скачки, бега.

В этой зловещей сладкой тайге
Люди и вещи на равной ноге.
Этого бора вкусный цукат
К шапок разбору рвут нарасхват.
Душно от лакомств. Елка в поту
Клеем и лаком льет темноту.

Все разметала, всем истекла,
Вся из металла и из стекла.
Искры сало, брызжет смола

Звездами в залу и зеркала
И догорает до тла. Мгла.
Мало-по-малу толпою усталой
Гости выходят из-за стола.

Шаги и боты и башлыки.
Вечно куда-нибудь их занепастишь.
Ставни, ворота и дверь на крюки.
В верхнюю комнату форточку настежь.
Улицы зимней синий испуг.
Время пред третьими петухами.
И возникающий в форточной раме
Дух сивозняка, задувающий пламя,
Свечка за свечкой явственно вслух:
Фук. Фук. Фук. Фук.

ВАЛЬС СО СЛЕЗОЙ

Как я люблю ее в первые дни —
Только что из лесу или с метели!
Ветки неловкости не одолели.
Нитки ленивые, без суетни,
Медленно переливая на теле,
Виснут серебряною канителью,
Пень под глухой пеленой простыни.

Озолотите ее, осчастливьте,—
И не смигнет. Но стыдливая скромница
В фольге лиловой и синей финифти
Вам до окончания века запомнится.
Как я люблю ее в первые дни,
Вью в паутине или в тонн!

Только в примерке звезды и флаги,
И в бомбоньерки не клалли малаги,
Свечки не свечки, даже они
Штифтики грима, а не огни.
Это волнующаяся актриса
С самыми близкими в день бенефиса.
Как я люблю ее в первые дни
Перед кулисами в кучке родни!

Яблоке — яблоки, елочке — шишки.
Только не этой. Эта в покое.

Эта совсем не такого покроя.
Это — отмеченная, избранница.
Вечер ее вековечно протянется.
Этой нисмало не страшно пословицы.
Ей небывалая участь готовится:
В золоте яблоч, как к небу пророк,
Огненной гостьей взмыть в потолок.

Как я люблю ее в первые дни,
Когда о елке толки одни!

НА РАНИХ ПОЕЗДАХ

Я под Московю эту зиму,
Но в стужу, снег и буревал
Всегда, когда необходимо,
По делу в городе бывал.

Я выходил в такое время,
Когда на улице ни зги,
И рассыпал лесною тьмою
Свои скрипучие шаги.

Навстречу мне на переезде
Вставали ветлы пустыря.
Надмирно высились созвездья
В холодной яме января.

Обыкновенно у задворок
Меня старался перегнать
Почтовый или номер сорок,
А я шел на шесть двадцать пять.

Вдруг света жирные морщины
Сбирались щупальцами в круг.
Прожектор несся всей машиной
На оглушенный виадук.

В горячей духоте вагона
Я отдавался целиком

Порыву слабости врожденной
И всосанному с молоком.

Окнозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.

Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя.
Здесь были бабы, слобожане,
Учтающиеся, слесаря.

В них не было следов холопства,
Которые кладет нужда,
И новости и неудобства
Они несли, как господа.

Рассевшись кучей, как в повозке,
Во всем разнообразьи поз,
Читали дети и подростки,
Как заведенные, вчасос.

Москва встречала нас во мраке,
Переходившем в серебро,
И, покидая свет двойкий,
Мы выходили из метро.

Потомство тискалось к перилам
И обдавало на ходу
Черемуховым свежим мылом
И пряниками на мелу.

ОПЯТЬ ВЕСНА

Поезд ушел. Насыпь черна.
Где я дорогу впотымах раздобуду?
Неузнаваемая сторона,
Хоть я и сутки только отсюда.
Замер на шпалах лягг чугуна.
Вдруг — что за новая, право, причуда?
Бестолочь, кумушек пересуды...
Что их попутал за сатана?

Где я обрывки этих речей
Слышал уж как-то порой прошлогодней?
Ах, это сызнова, верно, сегодня
Вышел из роши ночью ручей.
Это, как в прежние времена,
Сдвинула льдины и вадулась запруда.
Это поистине новое чудо,
Это, как прежде, снова весна.

Это она, это она,
Это ее чародейство и диво.
Это ее телогрейка за ивой,
Плечи, косынка, стан и спина.
Это Снегурка у края обрыва.
Это о ней из оврага со дна
Льется без умолку бред торопливый
Полубезумного болтуна.

Это пред ней, заливая преграды,
Тонет в чаду водяном быстрина,
Лампой висячего водопада
К круче с шипеньем пригвождена.
Это, зубами стуча от простуды,
Льется чрез край ледяная струя
В пруд и из пруда в другую посуду,
Речь половодья — бред бытия.

ДРОЗДЫ

На захолуственном полуостанке:
Обеденная тишина,
Безжизненно поют овсянки
В вустарнике у полотна.

Бескрайный, жаркий, как желанье,
Прямой проселочный простор.
Лиловый лес на заднем плане,
Седого облака вихор.

Лесной дорогою деревья
Заигрывают с пристяжной.
По углубленьям на корчевье
Фиалки, снег и перегной.

Наверное, из этих впадин
И пьют дрозды, когда взамен
Раззванивают слухи за день
Огнем и льдом своих колен.

Вот долгий слог, а вот короткий,
Вот жаркий, вот холодный душ.
Вот что выделывают глоткой,
Луженной лоском этих луж.

У них на кочках свой поселок.
Подглядыванье из-за штор,

Шушуканье в углах светелок
И целыйдневный таратор.

По их распахнутым покоям
Загадки в гласности снуют.
У них часы с дремучим боем,
Им ветви четверти поют.

Таков притон дроздов тенистый.
Они в неубранном бору
Живут, как жить должны артисты.
Я тоже с них пример беру.

Стихи о войне

БОБЫЛЬ

Грустно в нашем саду,
Он день ото дня краше.
В нем и в этом году
Жить бы полною чашей.

Но обитель свою
Разлюбил обитатель,
Он отправил семью,
И в краю неприятель.

И один, без жены,
Он весь день у соседей,
Точно с их стороны
Ждет вестей о победе.

А повадится в сад
И на пункт ополченский,
Так глядит на закат
В направлении к Смоленску.

Там в вечерней красе
Мимо Вязьмы и Гжатска
Протянулось шоссе
Пятитонкой солдатской.

Он еще не старик
И укор молодежи,
А его дробовик
Лет на двадцать моложе.

СМЕЛОСТЬ

Безымянные герои
Осажденных городов!
Я вас в сердце сердца сжарю
Ваша доблесть выше слов.

В круглосуточном обстреле
Слыша смерти пережат,
Вы векам в глаза смотрели
С пригородных баррикад.

Вы ложились на дороге
И у зарытой колени
Спрашивали о подмоге
И не слышно ль, где свои.

А потом, жуя краюху,
По истерзанным полям
Шли вы, не теряя духа,
К обгорелым флигелям.

Вы брались рукой умелой
Не для лести и хвалы,
А с холодным знаньем дела.
За ружейные стволы.

И не только жажда мщения,
Но спокойный глаз стрелка,

Как картонные мишени,
Пробивал врагу бока.

Между тем слепое что-то,
Опьяняя и кружа,
Увлекало вас к пролету
Из глухого блиндажа.

Там в неистовствѣ найтия
Пела буря с двух сторон.
Ветер вам свистел в прикрытие:
Ты от пуль заморожен.

И тогда, чужие миру,
Не причислены к живым,
Вы являлись к командиру
С предложеньем боевым.

Вам казалось — все пустое,
Лучше, выиграв, уйти,
Чем бесславно сгнить в застое
Или скинуться взаперти.

Так рождался победитель:
Вас над пропастью голов
Подвиг уносил в обитель
Промовержцев и орлов:

СТАРЫЙ ПАРК

Мальчи́к маленький в кроватке
Бури озверелый рев,
Каркающих стай девятки
Разлетаются с дерев.

Раненому врач в халате
Промывал вчерашний шов.
Вдруг больной узнал в палате
Друга детства, дом отцов.

Вновь он в этом старом парке.
Заморозки по утрам,
И, когда кладут припарки.
Плачут стекла первых рам.

Голос нынешнего века
И виденья той поры
Уживаются с опекой
Терпеливой медсестры.

По палате ходят люди,
Слышно хлопанье дверей.
Глухо ухают орудья
Заозерных батарей.

Солнце низкое садится.
Вот оно в затон впилося.

И оттуда длинной спицей
Протыкает даль насквозь

И минуты две оттуда
В выбоины на дворе
Льются волны изумруда,
Как в волшебном фонаре.

Зверской боли крепнут схватки
Крепнет ветер, озверев,
И летят грачей девятки,
Черные девятки трэф.

Вихрь качает липы, скрючив.
Буря гнет их на корню,
И больной под стоны сучьев
Забывает про ступню.

Парк преданьями состарен.
Здесь стоял Наполеон
И славянофил Самарин
Послужил и погребен.

Здесь потомок декабриста,
Правнук русских героинь,
Бил ворон из монтекристо
И одолевал латынь.

Если только хватит силы
Он, как дед, энтузиаст,
Прадеда славянофила
Пересмотрит и издаст.

Сам же он напишет пьесу,
Вдохновенную войной,

Под немолчный ропот леса,
Лежа думает больной.

Там он жизни небывалой
Невообразимый ход
Языком провинциала
В строй и ясность приведет.

ЗАРЕВО

1

Нас время балует победами,
И вещи каждую минуту
Все сказочнее и неведомей
В зеленом зареве салюта.

Все смотрят, как ракета, падая,
Ударится о мостовую,
За холостую канонадою
Припоминая боевую.

На улице светло, как в храмине,
И вид ее не узнаваем.
Мы от толпы в ракетном пламени
Горящих глаз не отрываем.

2

В пути из армии, нечаянно
На это зарево наехав,
Встречает кто-нибудь окраину
В блистании своих успехов.

Он сходит у опушки рощицы,
Где в черном кружеве, узорясь,
Ночное зарево полощется
Объезжая веток реденькую прорезь.

И он сухой листвою шествует
На пункт поверочно-контрольный
Узнать, какую новость чествуют
Зарницами первопрестольной.

Там называют операцию,
Которой он и сам участник,
И он столбом иллюминации
Пленяется, как третьеклассник.

?

И вдруг его машина портится.
Опячь с педалями нет сладу.
Ругаясь, как казак на Хортице,
Он ходит, чтоб унять досаду.

И он отходит к ветлам, стелющим
Вдоль по лугу холсты тумана,
И остается перед зрелищем,
Прикованный красой неожиданой.

Болотной непроглядной гущею
Чернеют заросли заречья,
И город, яркий, как грядущее,
Вздывается из тьмы навстречу.

Он думает: «Я в нем изведаю,
Что и не снилось мне доселе,
Что я купил в крови победою
И видел в смотровые щели.

Мы на словах не остановимся,
Но, точно в сновиденьи вещем,
Еще привольнее отстроимся
И лучше прежнего заблещем».

ЗИМА ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Зима приближается. Сызнова
Какой-нибудь угол медвежий
Под слезы ребенка капризного
Истощет в грязи непроезжей.
Домишки в озерах очутятся.
Над ними закурятся трубы.
В холодных объятьях распутицы
Сойдутся к огню жизнелюбы.
Обителя севера строгого,
Накрытые небом, как крышей!
На вас, захолустные логова,
Написано: сим победиши.
Люблю вас, далекие пристани
В провинции или деревне.
Чем книга чернее и листанней,
Тем прелесть ее залушевней.
Обозы тяжелые двигая,
Раскинувши нив алфавиты,
Вы с детства любимую книгою
Как бы на середине открыты.
И вдруг она пишется заново
Ближайшею первой метелью,
Вся в росчерках полоза санного
И белая, как рукоделье.
Октябрь серебристо-ореховый.
Блеск заморозков оловянный.
Осенние сумерки Чехова,
Чайковского и Левитана.

СМЕРТЬ САПЕРА

Мы время по часам заметили
И кверху поползли по склону.
Вот и обрыв. Мы без свидетелей
У края вражьей обороны.

Вот там она, и там, и тут она,—
Везде, везде, до самой кручи.
Как паутиною, опутана
Вся проволокою колючей.

Он наших мыслей не подслушивал
И не заглядывал нам в душу.
Он из конюшни вниз обрушивал
Свой бешеный огонь по Зуше.

Прожекторы, как ножки циркуля,
Лучом вонзались в коновязи.
Прямые попаданья фыркали
Фонтанами земли и грязи.

Но чем обстрел дымил багровее,
Тем равнодушнее к осколкам,
В спокойствии и хладнокровии
Работали мы тихомолком.

Со мною были люди смелые.
Я знал, что в проволочной чаше

Проходы нужные проделаю
Для битвы, завтра предстоящей.

Вдруг одного сапера ранило.
Он отползал от вражьих линий.
Привстал, и дух от боли заняло,
И он упал в густой пылини.

Он приходил в себя урывками,
Осматривался на пригорке
И щупал место под нашивками
На почерневшей гимнастерке.

И думал: «Глушость, оцарапали»,
И сль отзалил от Казани,
К жене и детям вверх к Саратулю,
И вновь и вновь терял сознание.

Все в жизни может быть издержано,
Изведаны все положенья, —
Следы любви самоотверженной
Не подлежат уничтоженью.

Хоть землю грыз от боли раненый,
Но стопами не выдаст братьев,
Врожденной стойкости крестьянина
И в обмороке не утратив.

Его живым успели вынести.
Час продышал он через силу.
Хотя за речкой почва глинистей,
Там вырыли ему могилу.

Когда, убитые потерю.
К нему сошлись мы на прощанье,

Заговорила артиллерия
В две тысячи своих гортаней.

В часах задвигались колесики.
Проснулись рычаги и шкивы.
К проделанной покойным просеке
Шагнула армия прорыва.

Ораженье хлынуло в пробойну
И выкатилось на равнину,
Как входит море в край застроенный.
С разбега проломив плотину.

Пехота шла вперед маршрутами,
Как их располагал умерший.
Поздней немногими минутами
Противник дрогнул у Завершья

Он оставлял снарядов штабелю,
Котлы дмящегося супа,
Все, что обозные награбили,
Палатки, ящики и трупы.

Потом дорогою завещанной
Прошло с победами все войско.
Края расширившейся трещины
У Криворожья и Пропойска.

Мы оттого теперь у Гомеля,
Что на поляне в полнолунье
Своей души не экономили
В пластунском деле накануне.

Жить и сгорать у всех в обычае.
Но жизнь тогда лишь обессмертишь,
Когда ей к свету и величию
Своею жертвой путь прочертишь.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Мы настигали неприятеля.
Он отходил. И в те же числа,
Что мы бегущих колошматили,
Шли ливни и земля раскисла.

Когда неожиданно в коноплянике
Показывались мы ватагой,
Их танки скатывались в панике
На дно размокшего оврага.

Везде встречали нас известия,
Как, все растаптывая в мире,
Командовали эти бестии,
Насилуя и дебоширя.

От боли каждый, как ужаленный,
За ними устремлялся в гнев.
Через горящие развалины
И падающие деревья.

Деревья падали, и в хворосте
Лесное пламя бесновалось.
От этой сумасшедшей скорости
Все в памяти перемешалось.

Своих грехов им прятать не во что,
И все мы долго помнили

Подобранную в поле девочку,
Которой тешились канальи.

За след руки на мертвом личике
С кольцом на пальце безымянном
Должны нам заплатить обидчики
Сторицею и чистоганом.

В неистовстве как бы молитвенном
От трупа бедного ребенка
Летели мы по рвам и рытвинам
За душегубами вдогонку.

РАЗВЕДЧИКИ

Синело небо. Было тихо.
Трещали на лугу жузнички.
Нагнувшись, низкою гречихой
К деревне двигались разведчики.

Их было трое, откровенно
Отчаянных до молодчества,
Избавленных от плуль и плена
Молитвами в глуби отчества.

Деревня вражеским вертелом
Царила надо всей равниною.
Луга желтели курослэном,
Ромашками и пастью львиною.

Вдали был сад, деревьев кучы,
Толпились немцы 'белобрысые
И под окном стояли прущной
Вкруг стойки с канцелярской крысою.

Всмотрясь и головы попрыгав,
Разведчики, не долго думая,
Пошли садить из автоматов,
Уверенные и упрюмые.

Деревню пересуматошить
Трудов не стоило особенных.

Взвилась поддетретенная лошадь,
Мелькнули мертвые в колдобинах.

И, как взлетают арсеналы
По мановенью рук подрывника,
Огню разведки отвечала
Вся огневая мощь противника.

Огонь дал пищу для засечек
На наших пунктах за равниною.
За этой пищею разведчик
И полз сюда, в гнездо осиное.

.....
Давно шел бой. Он был так долгод,
Что пропадало чувство времени.
Разрывы мин из шестистволок
Забрасывали небо теменью.

Наверно, вечер. Скоро ужин.
В окопах дома ши с бараниной.
А их короткий век отслужен:
Они контужены и ранены.

.....
Валили наземь басурмане,
Зеленоглазые и карие.
Поволокли, как на аркане,
За палисадник в канцелярию.

Фуражки, морды, папиросы
И рюм мухи, как к покойнику. -
Вдруг первый вызванный к допросу
Шагнул к ближайшему разбойнику.

Он дал ногой в подвздошье вору
И, выхвативши автомат его,

Очистил залпами контору.
От этого жулья проклятого.

Как вдруг его сразила пуля.
Их снова окружили лучею.
Два остальных рукою махнули.
Теперь им гибель неминучая.

Вверху задвигались стропила
Как бы в ответ их маловерию.
Над домом крышу расщепило
Снарядом нашей артиллерии.

Дом загорелся. В суматохе
Метнулись к выходу два пленника,
И вот они в чертополохе
Бегут задом по пуменнику.

По ним стреляют из-за клетки.
Момент, и не было товарища.
И в поле выбегает третий
И трет глаза рукою шарящей.

Все день еще, и даль объята
Пожаром солнца сумасшедшего.
Но он дивится не закату,
Закату удивляться нечего.

Садится солнце в курслепе,
И вот что, вот что не безделица:
В деревню входят наши цепи,
И пыль от перебежек стелется.

Без памяти, забыв раненья,
Руками на бегу работая,
Бежит он на соединенье
С победоносною пехотою.

НЕОГЛЯДНОСТЬ

Непобедимым многолетье!
Прославившимся исполать!
Раздолье жить на белом свете,
И без конца морская гладь.

И русская судьба безбрежней,
Чем может презиться во сне,
И вечно остается прежней
При небывалой новизне.

И на одноименной грани
Ее поэтов похвала,
Историков ее преданья
И армии ее дела.

И блеск ее морского флота,
И русских сказок залрома,
И тени ее полета,
И небо, и она сама.

И вот на эту ширь раздолья
Глядит из глубины веков
Нахимов в звездном ореоле
И в медальоне — Ушаков.

Вся жизнь их — подвиг неустанный.
Они, не пожалев сердец,

Сверкают темой для романа
И дали чести образец.

Их жизнь не промелькнула мимо,
Не затерялась вдалеке.
Их след лежит неизгладимо
На времени и моряке.

Они живут свежо и пылко,
Распорядительны без слов,
И чувствуют родную жилку
В горячке гордых парусов.

А вст на боевой арене
Они из дымовых завес
Стрелой бросаются в сраженье
Противнику наперерез.

Бегут в расстройстве стаи турок,
За ночью следует рассвет,
На рейде тлеет, как окурок,
Турецкий тонущий корвет.

И, все препятствия осилив,
Ширяет флагманский фрегат,
Размахом вытянутых крыльев
Уже не ведая преград.

В НИЗОВЬЯХ

Илистых плавной желтый янтарь,
Блеск чернозема.
Жители чинят снасть, инвентарь,
Людки, паромы.
В этих низовьях ночи — восторг,
Светлые зори.
Пеной по отмели шорх-шорх
Черное море.
Птица в болотах, по рекам — чалим,
Уймища раков.
В том направлении берегом — Крым,
В этом — Очаков.
За Николаевом книзу — лиман.
Вдоль поднебесья
Степью на запад — зыбь и туман.
Это к Одессе.
Было ли это? Какой это стиль?
Где эти годы?
Можно ль вернуть эту жизнь, эту быль,
Эту свободу?
Ах, как скучает по пахоте плуг,
Пашня — по плугу,
Море — по Бугу, по северу — юг,
Все — друг по другу!
Миг долгожданный уже на виду,
За поворотом.
Сроки приблизились. В этом году —
Слово за флотом.

ОЖИВШАЯ ФРЕСКА

Как прежде, падали снаряды.
Высокое, как в дальнем плазыньи,
Ночное небо Сталинграда
Качалось в шпукатурном саване.

Земля гудела, как молебен
Об отращенны бомбы воющей,
Кадилаицею дым и щебень
Выбрасывая из любвица.

Когда урывками, меж схваток.
Он под огнем своих проводывал,
Необъяснимый отпечаток
Привычности его преследовал.

Где мог он видеть этот ежию
Домов с бездонными проломами?
Свидетельства былых бомбежек
Казались сказочно знакомыми

Что означала в черной раме
Четырехпалая юмметина?
Кого напоминало пламя
И выломанные паркетины?

И вдруг он вспомнил детство, детство,
И монастырский сад, и грешников,

И с общиною по соседству
Свист соловьев и пересмешников.

Он мать сжимал рукой сыновней.
И от копыта архистратига ли,
На темной росписи часовни,
В такие ямы черти прыгали.

И мальчик облекался в латы,
За мать в воображеньи ратую,
И шалтает на супостата
С такой же свастикой хвостатой.

А рядом в конном поединке
Сиял над змеем лик Георгия.
И на пруду цвели кувшинки,
И птиц безумствовали орны.

И родина, как голос пущи,
Как зов в лесу и прохот отзыва,
Манила музыкой зовущей
И пахла почкою березовой.

О, как он вспомнил те полянки
Теперь, когда своей погонею
Они топчет вражеские танки
С их прозной чешуей драконьею!

Он перешел земли границы,
И будущность, как ширь небесная,
Уже бунтует, а не снится,
Приблизившаяся, чудесная.

ПОБЕДИТЕЛЬ

Вы помните еще ту сухость в горле,
Когда, бряцая голой силой зла,
Навстречу нам горланцы и перти
И осень шагом испытаний шла?

Но правота была такой оградой,
Которой уступает любой доспех.
Все воплотила участь Ленинграда.
Стеной стоял он на глазах у всех.

И вот пришло заветное мгновение:
Он разорвал осадное кольцо.
И целый мир, столпившись в отдалении,
В восторге смотрит на его лицо.

Как он велик! Какой бессмертный
жребий!

Как входит в цепь легенд его звено!
Все, что возможно на земле и в небе,
Им вынесено и совершено.

ВЕСНА

Все нынешней весной особе.
Живее воробьев шумиха.
Я даже выразить не пробую,
Как на душе светло и тихо.

Иначе думается, пишется,
И промкою октавой в хоре
Земной могучий голос слышится
Освобожденных территорий.

Весеннее дыхание родины
Смывает след зимы с пространства
И черные от слез обводины
С заплаканных очей славянства.

Везде трава готова вылезти,
И улицы старинной Праги
Молчат, одна-другой извилистей.
Но заиграют, как овраги.

Сказанья Чехии, Моравии
И Сербии с весенней негой,
Сорвавши делену несправия,
Цветами выйдут из-под снега.

Все дымкой сказочной подернется.
Подобно завиткам по стенам

В боярской золоченой горнице.
И на Василии Блаженном.

Мечтателю и полночинику
Москва милей всего на свете: ,
Он дома, у первоисточника
Всего, чем будет цвести столетье.

СОДЕРЖАНИЕ

I. На ранних поездах

Летний день	3
Осень	4
Ложная тревога	6
Иней	8
Город	10
На Рождестве	12
Вальс со слезой	14
На ранних поездах	16
Опять весна	18
Дрозды	20

II. Стихивойне

Бобыль	22
Смелость	23
Старый парк	25
Зарево	28
Зима приближается	30
Смерть сапера	31
Преследование	34
Разведчики	36
Неоглядность	39
В низовьях	41
Ожившая фреска	42
Победитель	44
Весна	45

Редактор *А. Митрофанов*

A13004.

Подписана к печ. 21/XI 1944 г.

Тираж 100 0 экз. Печ. лист 1 $\frac{1}{2}$.

Уч.-изд. л. 1,98. Авт. л. 1,85.

Заказ № 1386.

Цена 3 руб.

В переплете 4 р. 50 к.

Тип. „Красный печатник“
Москва, ул. 25 Октября, 5.

3 руб.

в переплете 4 р. 50 к.

п. 53 г.

56